

5.3. Советская империя как тема современной литературы

Советское, очевидно, является важнейшим культурным компонентом современного социального российского пространства. Прошло почти двадцать лет с момента распада СССР. За это время общество в целом и отдельные составляющие его люди пережили периоды эйфории, разочарования, надежды, недоумения, недовольства. Выросло новое поколение, не видевшее советской власти. Ушли из жизни многие люди, олицетворявшие прежнюю эпоху. Кардинальным образом поменялись многие реалии повседневности, стала иной сама социальная структура общества. Но, несмотря на перемены, Россию по-прежнему часто именуют постсоветской. Это определение симптоматично, так как в 1936 г. никому не приходило в голову называть тогдашнее советское общество постцаристским или по-слесамодержавным. Оно к тому времени считалось вполне самодостаточным, а история царской России являлась предметом академического интереса, пропагандистского конструирования или личных воспоминаний.

Если в середине 1990-х жители России довольно отчетливо делились на тоскующих по советскому и ненавидящих советское, притом, что, захваченные реалиями новой жизни, собственно о советском говорили немного, в современной России мы наблюдаем расцвет массового внимания к событиям относительно недавнего прошлого. Достаточно войти в любой книжный магазин, чтобы увидеть стеллажи книг, проблемно-тематически обращенных к событиям

Гражданской или Второй мировой войн, коллективизации или периода освоения космоса. Косвенно о популярности советской тематики в обществе и неоднозначности ее освещения свидетельствует тот факт, что фальсификация истории объявляется государственной проблемой¹, причем очевидно, что речь идет, в первую очередь, об относительно недавней истории советского времени.

Одновременно с количественным ростом текстов про «советское» произошло изменение спектра оценок этого прошлого². Сегодня даже поверхностное скольжение по сайтам российского Интернета показывает популярность форумов, блогов и блогеров³ вполне профессионально, а значит – с пониманием возможности различных интерпретаций фактов – обсуждающих различные аспекты советской истории. Важной составляющей опубликованных научных работ и сайтов оказывается описание практик и политик советского, идет ли речь о соотношении идеологии и повседневности, конструировании правил и норм или функционировании памяти о советском в современном пространстве⁴. В итоге, с одной стороны, общими усилиями демонстрируется многогранность описываемого явления,

¹ Указ «О Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» от 19 мая 2009 г.

² Достаточно посмотреть хотя бы на расширение контекстов анализа идеологического комплекса советскости. Так, М. Эпштейн рассматривает советское как проявление Эдипова комплекса (Эдипов комплекс советской цивилизации // Новый мир. 2006. № 1), К. Богданов пишет книгу «Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры» (НЛО. 2009); С. Адоньева переиздает исправленный вариант своей монографии «Категория настоящего времени» (2001) под названием «Дух народа и другие духи» (Амфора. 2009), где рассматривает советское в контексте обрядового русского фольклора. Одна за другой выходят книги Е. Добренко, Е. Булавки, О. Булгаковой, статьи М. Балиной, М. Мееровича, А. Прохорова, М. Тимофеева, С. Ушакина, А. Щербенка и десятков других исследователей, интересы которых, поначалу кардинально отличные друг от друга, на каком-то этапе концентрируются вокруг советского.

³ См., например, сообщества: sovietlife.ru; sovietschool.ru; sovietchildhood.ru; soviet-songs.ru; sovarch.ru и сотни других. О советской теме в блогосфере см.: *Абрамов Р.* Что такое ностальгия? Путешествие по российской блогосфере // 60-я параллель. 2009. № 35.

⁴ Назовем лишь некоторые из подобных сборников, чтобы показать разнообразие исследуемых в них аспектов советского: *Учебный текст в советской школе: Сб. статей / Сост. С.Г. Леонтьева, К.Г. Маслинский.* СПб.; М., 2008; *СССР: Территория любви: Сб. статей / Сост. Н. Баранова, К. Богданов, Ю. Мурашов.* М., 2008; *Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. статей / Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис.* М., 2008; *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style/ Ed. By M. Balina, E. Dobrenko.* Anthem press, 2009. В Институте литературы им. Т.Г. Шевченко (Киев) с 2009 г. выходит серия научных сборников «Studia Sovietica»; в г. Быдгощ (Польша) выходит международный журнал по изучению сталинской и постсталинской культуры «BЛОК» и т.д.

с другой – происходит последовательная деконструкция советских практик, что в конечном итоге лишает советское демонизма, а также известного конспирологического обаяния, присущего его изображению, например в «диссидентской» литературе.

Ценности, стереотипы, тексты и образы советской культуры являются предметом анализа не только обществоведов-ученых, широких слоев населения, но и – по российской традиции – обществоведов-литераторов. Чтение книг, получивших литературные премии в 2009 г., делает очевидной тенденцию «историзации». Премия «Книга года» получил Л. Парфенов за два тома «ностальгической энциклопедии» «Намедни». «Национальный бестселлер» достался «Степным богам» А. Геласимова, роману о советском периоде, созданном во многом по моделям советской литературы эпохи «большого стиля». «Большую книгу» получили романы «Журавли и карлики» Леонида Юзефовича и «Каменный мост» Александра Терехова, главные герои которых занимаются историческими исследованиями, в том числе и недавней советской истории. Лауреат русского «Букера» Елена Чинова сама говорит, что одной из целей, побудивших ее написать роман «Время женщин», было стремление «понять феномен исторической памяти»¹.

Каждое новое произведение по-своему увязывает советское прошлое и постсоветское настоящее. Л. Юзефович ищет параллели настоящему в историческом прошлом. В. Бенигсен в «ГенАциде» своей темой делает включение в новую жизнь специфических практик советского распространения культуры. «Команда» и «Шериф из Любимовки» Д. Иванова являются своего рода клонами знаменитых романов «Молодая гвардия» А. Фадеева и «Тимур и его команда» А. Гайдара. «Библиотекарь» М. Елизарова посвящен войне за советское наследие, а его же «Мультики» – ужасу позднесоветской жизни. В романе А. Тургенева «Спать и верить» или сценарии фильма «Первый отряд» М. Шприца и А. Климова рассказ о священных событиях советского прошлого – ленинградской блокаде и деятельности пионеров-героев – оформляется в жанры современной массовой культуры. При этом ни в одном из текстов нет обличения или высмеивания советского. Вместо этого мы видим заинтересованно-

¹ Чинова Е. «Время женщин» нельзя назвать автобиографическим в полной мере [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=329403>.

уважительное отношение к этой части пройденного страной исторического пути.

На первый взгляд, подобный интерес можно объяснить ностальгией. Но даже при первом приближении ясно, что публицистически однозначно оценивать такой феномен постсоветской культуры, как освещение, в том числе и сочувственное, советского прошлого, ориентацию на воспроизведение «большого стиля» социалистического реализма только в качестве «ностальгического», сложно. Это явление нуждается в корректировке и дифференциации.

Обращение к прошлому в искусстве может происходить по разным причинам. С одной стороны, своеобразный культ ностальгии является органичным следствием прогресса модерности. Постоянное изменение условий жизни, свойственное обществам Новейшего времени, побуждает людей в мыслях возвращаться к более «органичному» для них прошлому, которое начинает описываться как «старое доброе» или даже идеальное. «Модернизация – болезненный и травматический процесс; одни теряют, другие приобретают, почти все одновременно теряют и приобретают... На травмы люди отвечают фантазиями, ностальгическими и другими, которые надо понять и нельзя осуждать... В этом удобном и очень большом, прямо-таки глобальном нарративе теряются различия между чувствами российского интеллигента, отца которого убили в ГУЛАГе, детей которого сполчили в эпоху застоя, сбережения которого исчезли в перестройку и, наконец, культура которого, придававшая значение и смысл многим из этих событий, разрушена последним десятилетием, – и чувствами индийского крестьянина, французского горожанина, а ныне и американского домовладельца, которые не выдерживают глобальных соревнований, теряют привычные источники дохода... Плохо всем (а когда было хорошо?); но всем плохо по-разному... Экономика необратимо глобализируется, а культура отвечает партикуляризмами; отсюда и проблемы, везде разные. Своеобразие постсоветского момента – в его советском прошлом», – замечает А. Эткинд¹.

Потребность в фантазиях на тему прошлого обостряется в периоды кардинальных общественных изменений, когда человек утрачивает понимание того, кто он есть. Россия на протяжении двадцатого века

¹ *Липовецкий М., Эткинд А.* Возвращение Тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // Новое лит. обозрение. 2008. № 94 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1208/1227/>

знала, по крайней мере, две мощных перестройки (и участвовала в двух мировых войнах), каждая из которых имела не только всемирные геополитические последствия, но побудила миллионы людей по-новому самоопределяться. Одним из следствий первого «передела» стала блистательная литература русского зарубежья с ее мощным ностальгическим пафосом. Но если тоску по ушедшей царской России мы сегодня склонны оправдывать, грусть по недавнему советскому прошлому, недостатки и пороки которого вошли в опыт ныне живущих людей, представляется многим куда менее обоснованной.

Как отмечает С. Жижек, интерес к прошлому в современных постсоциалистических обществах обычно объясняют «незрелостью» ожиданий людей, которые не представляли себе, что такое капитализм: обитателям соцлагеря хотелось капиталистических демократических свобод с одновременным сохранением гарантированной стабильности социализма. Когда люди в странах Восточной Европы протестовали против коммунистических режимов, большинство из них мечтали не о капитализме как форме общественной организации, а о материальном достатке и справедливости. Им хотелось жить вне жесткого государственного контроля, освободиться от примитивной идеологической обработки и лицемерия. Когда возвышенные идеалы «бархатной революции» развеяла новая действительность, люди отреагировали на это разными способами. Самым естественным выражением посткоммунистического разочарования оказалась ностальгия по «старым добрым временам», которую, по мнению автора, не следует принимать слишком всерьез, так как желание вернуться в серую и скудную социалистическую действительность вряд ли является подлинным. Скорее, это своего рода форма траура, мягкого избавления от прошлого¹.

В случае России «траур» постоянно осложняется пониманием того, что советское, утратив часть своих важных элементов, продолжает существовать. Значительную часть современного постсоветского общества составляют люди, жизнь которых биографически связана с СССР. В несуществующем ныне государстве осуществлялась их социализация, их учили жить в обществе, которое распалось на глазах, они оказались – не по своей воле – жителями другой страны с принципиально иными условиями. Кардинальные

¹ Žižek, Slavoj. Post-Wall: Neo-Anti-Communism. Цит. по: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lrb.co.uk/v31/n22/slavoj-zizek/post-wall>.

государственные изменения для большинства из них были травматичны, современное состояние российского общества во многом оказывается результатом этой травмы. Анализ утраченного / оставшегося, их ценности/вредности, нужности/ненужности является важной и нерешенной на сегодняшний момент проблемой. Российский траур по советскому к тому же осложняется непониманием пути, по которому идет современное общество. На фоне постоянно меняющихся в нем правил советская телеологичность может восприниматься (и воспринимается определенной группой населения) как некое благо, когда каждый человек понимал, частью чего в социальной жизни он является и к чему он должен стремиться – как в идеологических фантазмах руководства страны, так и в своей реальной жизни.

Существование противоречивых настроений приводит к разнообразным «гибридным» формам организации жизни в современной России. Леонид Парфенов, отвечая на вопросы газеты «Аргументы и факты», замечает: «На наших с вами глазах выросло некое третье государство: не Советский Союз, конечно, но и уж точно не Россия в её историческом понимании. Мы живём в стране, которую правильнее называть постсоветская Россия. Большинство ведь считает своим исключительно советское прошлое. У нас нет никакой ментальной связи с царской Россией. Ну кто из соотечественников сегодня отличает Александра II от Александра III?! Большинство россиян сегодня по-советски служат в армии, по-советски получают образование в институтах, по-советски лечатся в больницах, выбирают власть, смотрят телевизор и делают много-много чего ещё»¹.

2000-е гг., когда схлынули первые эмоции, связанные с распадом советского государства, приводят к все более широкому осмыслению опыта советской жизни не только через огульное отрицание или – напротив – абсолютное приятие советского прошлого, но и через осознание того, что осуждение/ностальгия – не единственные чувства, которые возникают при его изображении и осмыслении. Тот факт, что современные жители России живут внутри советского наследия и это побуждает их соотносить зачастую противоречащие друг другу знание об истории с семейной и личной памятью, постепенно становится общим местом и обогащает представления об

¹ Парфенов Л. Наследник испорченного поколения. Интервью С. Грачеву // Аргументы и факты. 2009. № 50 (декабрь). С. 4.

эмоциональных связях с предшествующей эпохой. Уехавшие из СССР и России, в свою очередь, также выстраивают нарративы о неоднозначных причинах, побудивших их сделать свой выбор. Советское является тем уникальным опытом, которым обладает старшее поколение живущих и который отсутствует у младших. Возрастной разрыв, усиливающийся из-за смены общественных реалий, меняет тональность разговора о прошлом, добавляя к естественному сожалению о прошлом как времени молодости раздражение носителей не могущего быть адекватно переданным знания.

С одной стороны, общество – естественно, различные его фрагменты в разной степени и по разным причинам – опасается возврата советского, с другой – признает ценность многих практик социалистического мира. С одной – постоянно возвращается к утраченному времени, с другой – стыдится этого как непозволительной слабости или – наоборот – подчеркнуто похвально своим пристрастием. Дмитрий Быков в одном из своих «Писем счастья» подчеркивает парадоксальность российского восприятия прошлого и настоящего: «Отечество привыкло к неудачам и не привыкло, чтоб наоборот, но мы ведь и по ним охотно плачем. Мы очень ностальгический народ. Посмотрим, плечи старые ссутулив, подобный трехрублевой колбасе, застойный «Кабачок «13 стульев» — и плачем, а тогда плевались все! Где так умеют вещь одну и ту же то оплевать, то в перлы произвести? То ль наша жизнь становится все хуже, то ль мы себе не нравимся как есть — но жизнь без ностальгического флера всегда напоминает нам чуму. Нам тошно от всего. Но очень скоро мы, может быть, заплачем по всему»¹.

Советское постепенно забывается, в рассказе о нем возникают лакуны, которые компенсируются фрагментарностью, опорой на фантазию, мифологизацией на основании предшествующего культурного опыта и в русле новых возникающих концепций. Амбивалентность отношения к советскому прошлому при отсутствии равнодушия к нему в обществе позволяет широко это прошлое эксплуатировать. В современном (не только российском) мире потребность возврата в «старые добрые времена» стала источником бурного развития медиадеятельности, целью которой является эффектная визуализация истории, позволяющая превратить ее в предмет потребле-

¹ Быков Д. Какой был год, какие персонажи... Цит. по: URL: www.novgaz.ru/data/2009/144/01.html

ния. В России такой вариант театрализации «нашего славного прошлого» постоянно воспроизводится на уровне дизайнерских решений, рекламы, сериалов, телешоу, где происходит специфическая гламуризация советского через его одностороннюю редукцию¹. «Государственными» каналами современному российскому зрителю, с одной стороны, через подборки кинофильмов и старых телепередач, с другой – через ряд сериалов и «ностальгических» шоу – предлагается идеализированный вариант прошлого, где порокам советской государственной системы противостоят ценности коллективизма, взаимной ответственности человека и государства, патриотизма, духовности. В подобных текстах воссоздаются патриархальные отношения, воспринимаемые людьми как утраченные, но достойные, создающие основания для существования хорошо отрегулированного, предсказуемого при всех его недостатках советского мира².

Социально слабые персонажи, несмотря на все сложности советской истории, не утратившие человечности, задают основу для ностальгического ее восприятия, являются своеобразным инструментом стимуляции ностальгии. Парадоксальным образом это происходит даже со сценариями сериалов, построенными на разоблачениях официальной советской версии истории («В круге первом», «Дети Арбата», «Московская сага» и т.п.), не говоря уже о текстах, заведомо основанных на идеализации «коммунального» прошлого («Синие ночи» В.Шмелева, «Громовы» А. Баранова и т.п.). Превращенная в человеческие судьбы история позволяет зрителям старшего поколения, соотнося себя с героями, заново переживать чувство причастности к советскому, зрителям младшего – создавать образ мощного, авторитетного в глазах своих граждан и всего мира государства.

История советского периода таит в себе много взрывоопасных тем, которые могут быть и становятся основой для формирования

¹ См. об этом: *Шабурова О.* Ностальгия: стратегии коммерциализации, или Советское в гламуре // Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. / Отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 33–44.

² Исследовательница практик повседневности, характеризуя ситуацию 2002 г., отмечает, что «советский опыт сегодня в России или эстетизируется, или в нерасчленном виде присваивается массовой культурой <...>, но крайне плохо поддается артикуляции и аналитической проработке» (*Гавришина О.* Повседневность во множественном числе. С 17 // *Объять обыкновенное: Повседневность как текст по-американски и русски: Материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы / Под ред. Т.Д. Венедиктовой. М.: Изд-во МГУ, 2004).*

своего рода «репрессивной истории» России и антиностальгического пафоса. Подобный вариант разворачивается, в первую очередь, в пространстве интернет-публикаций, литературы pop-fiction, соответствующих радио- и телепередач. На уровне популярной культуры манипуляционная поляризация отношения к советскому разрабатывается достаточно широко¹, хотя и в этом сегменте культурного поля чем дальше, тем чаще обращение к недавнему прошлому включает в себя как представление негативного опыта, так и закрепление за советским определенного символического капитала. Своеобразная эффективность советского оказывается загадкой, не объяснимой однозначно ни принудительными сверхусилиями власти, ни рабской покорностью зомбированных «совков».

Советское как идеология и советское как тип государственного устройства, приведший к особому типу организации повседневности, присутствуют в литературных текстах, в первую очередь, на проблемно-тематическом уровне. Одной из таких тем оказывается советская империя, как все чаще называют СССР, признавая тем самым как то, что советское государство стало преемником Российской империи, так и неуникальность этого типа государственного образования в мировой истории.

В первых текстах «новых государственников» еще можно было встретить романтизированный на гайдаровский манер образ советской империи: «...полночная страна рисовалась Рогову в виде огромной живой карты, на которой таинственно перемигивались телебашни, радиовышки, кремлевские звезды и летящие в низких тучах военные самолеты. Там шла гайдаровская, добротная и загадочная жизнь: по засекреченным адресам отбывали поезда, в которых пили чай немногословные светловолосые военные. Глубоко под землей строили метро – не то, карта которого висела у них в прихожей, а тайное, резервное, на какой-то особенный случай. Летчики в кожаных куртках с белыми меховыми воротниками, в шлемах с наушниками, в защитных очках толстого стекла направляли самолеты в пике прямо на льдины, успевая подхватить полярников. Все было черное и белое: ночь и зима стояли в Империи: только поезда были го-

¹ См., например, практику издательства «Яуза», которое одновременно выпускает диаметрально противоположные по пафосу научно-популярные книги по военной истории (серии «Правда Виктора Суворова» и «Неправда Виктора Суворова»).

лубые, а самолеты зеленые»¹. Разгадка «кремлевских тайн» носит в этих текстах подчеркнута игровой характер.

Попытка на персонажном уровне сосредоточить внимание на специфичности столкновения человека с советской системой, а на общеидеологическом – акцентировать типичность подобных коллизий в мировой истории возможна благодаря активному использованию в современной литературе жанра идеологического романа, структурно напоминающего романы «позднего» Юрия Бондарева. В истории отечественной литературы появление текстов подобного рода является показателем подведения определенных итогов развития общественной мысли и фиксацией кризиса насущной идеологии. Идеологический роман через диалоги и монологи героев воспроизводит характерное для современной российской риторики наложение травматического и ностальгического дискурсов.

В романе А. Терехова «Каменный мост» главный герой и центральный повествователь – наш современник с характерными биографией и хобби. Бывший работник ФСБ, коллекционер игрушечных советских солдатиков вместе со своими сотрудниками расследует убийство, совершенное в 1943 г. в Москве на Каменном мосту. Расследование это в целом вполне бессмысленно, так как дело давно закрыто, свидетелей почти не осталось, понять причины, побудившие подростка из сановной советской семьи выстрелить в девочку своего же круга, практически невозможно. Впрочем, проблемой книги, написанной от лица героя-следователя, оказывается не разгадка уголовного преступления, а разгадка истории.

Подлинная задача героев – проникнуть в прошлое. Собрав все возможные сведения о нем, они – фантастический допуск автора, символически обозначающий предельную готовность следователей к раскрытию тайны, – готовы участвовать в суде, состоявшемся в 1943 г. Газеты, журналы, письма того времени, путаные показания свидетелей помогают реконструировать прошлое и обнаружить в нем скрытую «правду», которая, впрочем, по признанию того же героя, все равно является неокончательной. Но затянувшая в прошлое история уже не отпускает постсоветских людей, они по-настоящему живут только в нем и им, в современной жизни лишь удовлетворяя физиологические потребности да страдая от пустоты и одиночества.

¹ Быков Д. Оправдание // Новый мир. 2001. № 3. С. 31.

Сыщики отдают себе отчет в неотвратимости aberrаций человеческой памяти, в невозможности точного восстановления деталей прошлого: «Мы бессильны даже в установлении милицейских подробностей: десять минут агонии императора на кунцевской даче при шести (самое меньшее) совершеннолетних цепенеющих свидетелях не поддаются достоверному воспроизводству»¹. Выстраиванием из событий прошлого некоей имеющей внятней сюжет цельной истории герои придают смысл всему сегодняшнему существованию. Они лишены иллюзий насчет того, что им удастся найти истину, напротив, осознают принципиальную невозможность этого из-за субъективности любой рассказанной истории, множественности вариантов соединения одних и тех же фактов: «...мы соскрестили все, что отразилось в человеческих сердцах, подсчитали численный перевес в свидетельствах... ведь любое, даже из-под пыток, даже лживое хоть из чего-нибудь да росло! – и связали букетик, *на свой вкус* – иголки торчат в разные стороны – и если вынести и отдать его людям – поранятся все. У них, у живых... нет навыка обращения с правдой»².

Ощущение прошлого главным героем чаще всего интуитивно и основано на личном опыте: «...и вдруг на огромное мгновение я почуял свое прошлое, как чуешь считанные разы за жизнь – что-то извне, как ветер; железные бачки с кипяченой водой, колобки бельевых веревок, расплавленный свинец остывающей в формочке октябрятской звездочки с кудрявым младенцем Христом, телевизор ч/б, самое страшное – смерть кинескопа, как люди стронулись и поехали из бараков, треск газеты, раздираемой в туалете, атласная пилотка, страшный язык похоронно-поздравительных телеграмм, проступавший на коричневатых наклеенных лентах без зпт и предлогов, душные кабинки тугоухого межгорода, «совесть пассажира – лучший контролер», последние звонки, зачеты, стрельбы, слова и анализы, много ржавых гильз...»³. Воспоминания о советском подчеркнута лишены идилличности, герои не испытывают никакой тоски по прошлому, но тем не менее упорно вгрызаются в него, сравнивая свои усилия с осадой города: «... правда железных людей высохла и отлакировалась, их покой и

¹ Быков Д. *Оправдание*. С. 202.

² Терехов А. *Каменный мост*. М., 1999. С. 685.

³ Там же. С. 612.

молчание уже неприступны. И мы год за годом осаждали город, что уже не существовал»¹.

Что движет героями? Какой голод они утоляют и что, собственно, ищут? С одной стороны, занятиями историей они оправдывают собственную жизнь, но не меньше их привлекает возможность отгадать тайну страны, в которой живут. Существовая на обломках великой державы, самостоятельные историки не могут не пытаться понять сущность имперского проекта и причины распада громадного государства. Расследование странного убийства на мосту обретает значение, так как помогает проанализировать симптоматику распада. И современность, и прошлое показываются как достаточно пустые, однообразные и малоинтересные на уровне проживания отдельным человеком повседневной жизни, но прошлое способно приобрести завершенность в контексте поиска ответов на вопрос о его смысле. Самым интересным в человеческой жизни оказывается поиск или же изобретение этого смысла. Уход героев от современных проблем в прошлое не является эскапизмом, отказом от активной деятельности во имя настоящего, так как они проясняют причины плачевного в настоящем состояния государства и общества: «Времена кончались, мечты царей исполнены, проливы наши – дел не осталось, русские на вершине; куда ни повернись – только вниз, осталось вымирать...»²

Концепция М. Кантора, неоднократно прямо изложенная им как в художественных, так и в публицистических текстах³, также рассматривает советскую империю в широком историческом контексте. Сила империи – в ее телеологичности. Цель империи – неустанное расширение территорий, завоевание все новых и новых земель, поддержание порядка на завоеванных, выстраивание системы взаимоотношений с аборигенами, подготовка все новых управленческих кадров, в том числе и для постоянной трансформации рынков труда и пространств потребления. Она требует постоянных административных усилий, помогая тем самым поддерживать форму как чиновникам, так и гражданам, постоянно подогреваемым идеей достижимого желаемого будущего. Живущие в насыщенном пропагандистском

¹ Терехов А. Каменный мост. С. 195.

² Там же. С. 410.

³ Кантор М. Учебник рисования: В 2 т. М., 2006; *Медленные челюсти демократии*. М., 2008; *В ту сторону*. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.maximkantor.com/INDEX_W12r.htm

поле, создаваемом в том числе и художественным словом, граждане империи озабочены проблемами своей страны и необходимостью соответствовать ее задачам. Российская империя существовала с середины XVI в., амбиции ее правителей были безграничны, а расширение границ стремительным. Советская власть, несмотря на принятую новую форму правления, наследовала амбициозные интересы российского самодержавия, частично реализовав их к окончанию Второй мировой войны. Но эта реализация и смена монархической формы правления стала концом империи. Сменяемость власти уничтожила сословные привилегии в управлении государством, дезориентировав молодежь; расширенные на пространство социалистического лагеря территории лишили государство возможности дальнейшего расширения. Империя достигла своего предела и остановилась, что является для нее смертельным. Государственные лидеры пытаются ритуально совершать какие-то органичные для действующей империи действия, давать задания и воспроизводить управленческие элиты, но они уже не могут править, энергией своих целей подавляя волю других. Общие цели, которые всегда так или иначе саботировались стремлением людей вести не обязывающую к выполнению геополитических задач частную жизнь, начинают восприниматься как помеха «нормальной» жизни. Начинается разложение имперской идеи, неизменно приводящее к распаду империи. Общий абрис создания, роста и распада любой империи повторяется. Российская (советская) империя не является в этом процессе уникальной, но драма ныне живущего поколения жителей России состоит в том, что им приходится встречать первый удар разрушающейся многовековой государственной постройки.

Распад империи сопровождается распадом прежней культуры. Поскольку человечество неоднократно переживало социокультурную ситуацию имперского распада, можно легко найти слова для описания происходящего в современности: нашествие варваров, одичание, превращение в дикарей¹.

¹ См., например, как в публицистической статье «Советский человек» описывает российскую современность Л. Гудков: «Век ушел, осталась его скорбная тень. Одна шестая часть души, на которую с надеждой смотрело прогрессивное человечество, позорно распалась на мелкие осколки и стала большой сварливой коммунальной кухней, похоронив надежды свои и человечества. Люди опустили на четвереньки – так привычнее – и пустились в камлания. Снова вернулись к дикарским хороводам, пританцовывая и подпрыгивая на обломках светлых надежд человечества, бранясь словом "нравственность" и найдя

Имперская идея, как кажется, позволяет человеку ощущать себя причастным к неким большим внеличным целям и легче выстраивать свою жизнь в соответствии с заданной «рамкой». Специфическая «легкость» такого существования особенно остро осознается на фоне аморфной современности. В романе Антона Уткина «Крепость сомнения» герои, живущие на рубеже XX–XXI вв., относящиеся к разным сословиям современного общества, но в прошлом объединенные понятием «интеллигенция», неустанно и многословно рассуждают о специфике советского / постсоветского обществ. Как и многие другие авторы текстов про СССР, они именуют его империей, делая акцент, впрочем, не на многонациональности государства, а на его размерах, многослойности социальной структуры, подчиненной единой воле – следствии многовековых усилий российских правителей.

Что в этом прошлом волнует современных, финансово вполне благополучных людей, от новых условий жизни, казалось бы, только выигравших? В первую очередь, тайна распада СССР, «государственная мощь, привлекавшая как своей таинственной силой, так и внезапной геронтологической слабостью»¹. Мгновенный и, как первоначально казалось, безболезненный распад страны побуждает одного из героев с опаской думать о будущем: «Ему уже пришлось узнать, как книги становятся историей, он с растерянностью брался за свой атлас мира. Вот уже нет этих стран. Есть на тех местах другие <...> И вот теперь на империи лежит СССР, и пока настоящим является РФ, но тоже скоро уляжется в стопку прочитанных газет, а что станет настоящим, пока неизвестно»². Признание государственного величия СССР при всех издержках советской истории, нежелание примириться с резко изменившейся ролью России в современном мире приводят героев к попыткам хотя бы мысленно переиграть историю распада государства: «За точку отправления нужно было брать тогда современный государственный механизм, тщательно его изучить, посмотреть, что в нем действительно никуда не годно, а в чем чувствуется дыхание жизни. Это же так естественно»³.

былым святыням вполне утилитарное, понятное себе применение» (цит. по: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2010/04/07/timehistory.html>).

¹ Уткин А. Крепость сомнения. М., 2009. С. 274.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 188.

Уничтожение советской идеологии жалости у героев не вызывает в отличие от жалости к утраченной огромной стране, причастность к которой человек ощущает. С одной стороны, империя опасна для жизни отдельного человека, вынужденного подчинять ей свою жизнь, продолжающуюся заведенным порядком несмотря ни на что. «Оголтелое меньшинство оспаривает на площадях тезисы, а в переулках и на окраинах жизнь изливается вечным потоком: варится суп, дети с ранцами на плечах пробираются из школы под прикрытием глухих заборов.., и поезда идут по расписанию, и только машинисты, прокопченные углем и дешевыми папиросами, чертыхаются, когда приходится пересекать линию фронта»¹. Но уничтожение вместе с советской еще и имперской идеи-цели предполагает создание какой-то иной, но подобное производство – дело сложное и времяемкое. «То была некая система координат. Сейчас – он видел это очень хорошо – такой системы не было вообще. И когда он думал об этом, все чаще ему представлялось, что это, может быть, и хорошо, и полезно: пусть они все забудут, забудут до смешного, и тогда, возможно, что-нибудь и в самом деле получится»².

Возвращение к имперской теме связано также и с огорчением от непонимания другими грандиозности советской идеи, не нашедшей адекватного воплощения в устройстве СССР: «Удивляет злобная радость интеллектуалов, как западных, так и советских, по поводу того, что Великий Русский Эксперимент не удался. А ведь Россия храбро испытала на своем организме Мечту Человечества о Справедливом коммунистическом обществе. Благороднее было бы остаться ей грустно-признательными за то, что она послужила собауе³ для марксистского эксперимента. Неудача Русского Эксперимента, Крушение Великой Иллюзии – неудача всего человечества. Горькая. Что же злорадствовать?..»⁴

Но, признавая величие замысла империи, необходимость государственной воли, современному человеку, по мнению авторов рассмотренных текстов, остается одно: осознать, что империи пришел

¹ Уткин А. Крепость сомнения. С. 73. Подобное противопоставление жизни и политической перестройки неоднократно встречалось при описании распада Российской империи после революции. См., например: М. Осоргин. «Сивцев Вражек»; В. Катаев. «Спящий» и многие другие тексты.

² Уткин А. Крепость сомнения. С. 153.

³ Собауе (фр.) – подопытное животное (прим автора. – М.Л.).

⁴ Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий. СПб., 2002 [Электронный ресурс]. Цит. по: URL: <http://lib.rus.ec/b/114148>.

естественный конец; она рухнула, потому что ей некуда было больше развиваться. Признание гибели империи и невозможности в обозримом будущем ее восстановления, обучение новым правилам жизни и является залогом дальнейшего выживания страны. «Провоцировать в России имперские амбиции – это и значит желать ей быть бессильной дурочкой. “Русские задачи”, несомненно, стоят в полный рост: это, однако, не имперские, а государственные задачи», – пишет В. Курицын, анализируя «Манифест петроградских фундаменталистов», подписанный П. Крусановым, С. Носовым, А. Секацким, И. Стоговым, А. Левкиным¹.

Эти и подобные геополитические объяснения происшедшего и происходящего со страной, написанные людьми, чьи политические или эстетические взгляды порой кардинально расходятся, а объединяет их понимание важности имперской составляющей в прошлом и будущем России, являются, с одной стороны, оправданием советской истории XX в., с другой – самооправданием. СССР заслуживает уважения хотя бы потому, что в нем осуществлялся эксперимент по созданию одной из утопий, дразнящих воображение человечества. Для постсоветского человека в современных идеологических романах, подобных тереховскому, советское оказывается своеобразной опорой, точкой идентификации. Герои мыслят не категориями национальности, поколения или даже пола, они не ищут «совка» в себе, само- и взаимоуничтожение им не свойственны, центральный вопрос для них: кто такие советские – другие или они сами.

Советское прошлое в глазах его носителей все больше утрачивает очевидность. В то же время оно вписано в столь жесткие внешние поляризованные идеологические схемы и защите этих схем придается такое значение, что возникает противоречие между этими схемами и личной историей с личным опытом. Отрицать значимость советского прошлого для человека – отрицать значимость своей жизни в нем. Признавать советское прошлое – отрицать смысл произошедших перемен. В этом случае проще всего признать себя человеком постсоветским, т.е. всего-навсего живущим в период, хронологически следующий за советским, и ориентироваться на решение насущных и будущих проблем.

¹ Курицын В. Зрелище ледохода. Цит. по: [Электронный ресурс]. URL: <http://prochtienie.ru/index.php/docs/1672>.

При этом ни в одном из этих текстов нет обличения или восхваления советского, ни – тем более – тоски по нему¹. Вместо этого мы видим заинтересованную попытку понять эту часть пройденного страной исторического пути, устройство, механизм ушедшего строя. Они вершат свой собственный суд, и этот самосуд придает социальный смысл их существованию как литераторов. Решение различных судей тоже более или менее однозначное. Необходимо сочувствие людям, как прожившим свою жизнь в империи, так и проходящим через горнила перестройки. Выстоять в современном мире может помочь только стоицизм солдат распавшейся империи.

Интерес к советскому как имперскому продолжает оставаться актуальным, но, окончательно утратив ностальгичность, писатели все меньше сосредотачивают внимание на собственно советской составляющей проекта. На первый план выходит российский (советское – лишь часть его) имперский проект и его преломление в частных судьбах². Хотя тексты, образы, стереотипы советской культуры пронизывают весь современный литературный процесс, ностальгия по советскому/осуждение советского маргинальны в современной «серьезной» литературе, для которой характерны, скорее, амбивалентность пафоса, стремление разобраться в спе-

¹ В рецензии на «Каменный мост» Г. Фрейдин, используя вынесенную в заглавие метафору тереховского романа, делает следующий вывод: «A conventional allegory – life floating on the river of time – has replaced the stone bridge, a rigid metaphor for constructing identities and meaning. Welcome to post-imperial Russia in the post-nostalgia age» (*Gregory Freidin. Mysteries at the heart of Stalin's empire* (http://entertainment.timesonline.co.uk/tol/arts_and_entertainment/the_tls/article7039175.ece).

² Аналогичные процессы происходят и в государственных СМИ: «...“возвращения” реставрацией советского не являются. Перед нами последовательно проводимая государством политика нормализации российской истории. Её принципы просты и общеизвестны: национальная культура важнее политической истории, а этос служения отечеству выше идеологических разногласий. Иными словами, история равняется национальной традиции, а офицеры бывшими не бывают. В рамках такого путеводного нарратива нет принципиальных различий между Столыпиным и Сталиным (эффективные менеджеры), Николаем II и Солженицыным (национальные мученики), Александром Невским и Георгием Жуковым (победители немцев) или, наконец, Юрием Долгоруким и Юрием Лужковым (основатели Москвы). Такой тип истории нуждается в сериях эквивалентностей. Парадигматические соответствия позволяют ей преодолевать синтагматические разрывы. Такой истории необходимы живые цепочки, которые на персональном или событийном уровне организовывали бы растянувшийся на тысячелетие караван» (*Калинин И. Московская кольцевая русской истории* // http://www.chaskor.ru/article/moskovskaya_koltsevaya_russkoj_istorii).

цифике советской утопии, в имперских комплексах и фантомных болях российского человека –заложника истории, установка на гуманитарное использование советского наследия.
